Калинин Олег Игоревич
Военный университет Министерства Обороны,
Московский государственный лингвистический университет
г. Москва, Российская Федерация
okalinin.lingua@gmail.com

Речевое воздействие и содержание метафоры: к вопросу об индексе функциональной типологии

Аннотация

В данной статье рассмотрена проблема зависимости речевого воздействия метафоры от содержания метафоры, изучены методы количественного подсчёта метафор в тексте. Предложен и апробирован метод анализа имплицитных характеристик текста посредством подсчёта индекса функциональной типологии метафоры. В основе данного индекса лежит разделение метафор на ориентационные, онтологические и структурные, которые выполняют описательную, идентификационную и реструктурирующую функции соответственно. Математическая логика подсчёта индекса предполагает, что по итоговому числовому значению можно делать вывод о преимущественной функции, которую играет система метафорических моделей в тексте или дискурсе, и, как следствие, анализировать уровень её речевого воздействия. Данный метод был апробирован на практике для решения двух исследовательских задач: описательный анализ метафоричности целого текста и сопоставительный анализ метафорических моделей с разными источниками и одной целью. Были проанализированы метафоричность текстов новогодних обращений политических лидеров РФ, КНР и Великобритании, публичные выступления В. В. Путина и Си Цзиньпина и тексты военных доктрин России и Китая. Анализ показал, что функции метафор в текстах не коррелируют с их количеством и типом, однако соотносятся с экстралингвистическими факторами порождения текстов. Были также изучены разные метафорические модели ВИРУСА в китайских СМИ и на основании показателя индекса функциональной типологии, близком к максимальному, был сделан вывод о доминирующем переструктурирующем характере метафор ВИРУСа в текстах китайских масс медиа.

Ключевые слова: метафора, функция метафоры, речевое воздействие, концептуальная метафора, персуазивность, типология метафоры

© Калинин О. И. 2021

Для цитирования: Калинин О. И. Речевое воздействие и содержание метафоры: к вопросу об индексе функциональной типологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 90–102. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_90_102.

1. Введение [Introduction]

Метафора в современном языкознании понимается как способность человека структурировать, преобразовывать и создавать новые знания, а также вызывать у пользователя языком эмоции и оценки влияния. Особая роль, которую играет метафора при восприятии речевого сообщения, продемонстрирована многочисленными нейролингвистическими исследованиями и подтверждена последующими экспериментами с использованием современных методов, таких как ERP (Event-related brain potentials), фМРТ и др. [Anaki et al., 1998 ; Coulson et al., 2002 ; Mashal et al., 2005].

Кроме того, немало исследователей метафоры указывают на особую роль метафоры в создании или усилении персуазивности речевого высказывания. Например, П. Тибодо и Л. Бородицкая изучили влияние метафоры на то, как мы рассуждаем о сложных социальных вопросах и добываем информацию о явлениях общественного ха-

рактера. Авторы обнаружили, что даже минимальная метафоричность, выраженная одним словом, может оказать влияние на то, как люди пытаются решать социальные проблемы, такие как преступность, и как они собирают информацию для принятия хорошо обоснованных решений [Thibodeau, Boroditsky, 2011 ; Thibodeau, Boroditsky, 2013].

В исследованиях, посвящённых мета-анализу персуазивности метафоры [Soroty, 2006 ; Stee Van, 2018], количественно показана персуазивность метафорических переносов в коммуникации. Например, С. Ван Стее вычислила размер персуазивного эффекта по сравнению с буквальными выражениями, он составил $r = 0.09$ при $p < .001$, что свидетельствует о высокой точности полученных данных. При этом в данном направлении исследований по-прежнему нерешённым остается вопрос о том, что именно в употреблении метафоры формирует её персуазивный эффект: тип метафоры (конвенциональная или авторская), её позиция в тексте, лингвистическая форма (прямая или непрямая), плотность метафор на объём текста (их частотность в тексте).

Ещё одним важным аспектом, который не может не быть связанным с формируемым метафорическим переносом персуазивным эффектом, является содержание самой метафоры, то есть принадлежность сферы-источника к той или иной смысловой категории. Данное направление исследований речевого воздействия метафоры является наименее разработанным на данный момент. В приведённых выше исследованиях П. Сопори и С. Ван Стее проверяется ряд гипотез о взаимосвязи разных аспектов метафорического переноса и персуазивности. Одной из частично подтверждённых гипотез является взаимосвязь между известностью сферы-источника и коммуникативным эффектом метафоры [Soroty, 2006, p. 390]. Однако известность сферы-источника реципиенту речевого сообщения является лишь частным случаем взаимосвязи между содержанием метафоры и её персуазивностью.

Изучение содержания метафоры породило ряд классификаций метафор, которые можно разделить на два типа: семантические и функциональные. Семантические классификации берут за основу конкретное содержание источника и цели (популярны в отечественном языкознании [Москвин, 2000 ; Складская, 1987] и др.). В частности, в практических исследованиях метафоры широкую популярность получила классификация А. П. Чудинова, который разделил метафоры на антропоморфные, природоморфные, социоморфные и артефактные [Чудинов, 2001].

Классификация метафор по содержанию позволяет обобщить разрозненные метафорические модели для более полного представления тех концептов, которые структурируются и отражаются посредством метафор. Однако построение подобных систем метафор относительно конкретного текста или дискурса будут носить скорее описательный характер, демонстрируя нам, какие семантические области доминируют при построении метафорических моделей. В каждом случае исследователь должен проводить интерпретацию полученных результатов применительно к тому или иному дискурсу. Таким образом, использование семантической типологии для анализа речевого воздействия метафоры не отличается универсальностью и будет во многом зависимым от субъективных особенностей исследователя-интерпретатора.

Функциональная классификация метафор базируется на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004], где авторы на основе содержания метафорического переноса выделяют ориентационные, онтологические и структурные метафоры. Согласно данной классификации, ориентационные метафоры, отражая базовые пространственные представления в сознании человека, придают концепту пространственную ориентацию и выполняют описательную функцию. Онтологические метафоры отражают перенос свойств конкретных предметов на абстракции, они служат для идентификации и понимания природы событий, в частности, для реагирования на проблемные ситуации. Структурные метафоры дают «возмож-

ность использовать одно высоко структурированное понятие для структурирования другого» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 98].

Стоит отметить, что взаимосвязь между тем, к какому семантическому полю относится сфера-источник и тем, насколько персуазивна метафора остаётся практически неизученной, хотя, разумеется, выделение содержания сферы-источника и сферы-цели происходит во всех исследованиях метафоры – критических, дескриптивных, – а факт персуазивности метафоры давно доказан.

В свете вышесказанного проблема исследования взаимосвязи содержания метафорического переноса и эффекта речевого воздействия по-прежнему остаётся нерешённой. На наш взгляд, её решению может способствовать исследование имеющихся методов вычисления силы речевого воздействия, а также рассмотрение существующих семантических классификаций метафоры, то есть таких классификаций, в основе которых лежит содержание метафорического переноса. Соединение разработанных количественных методов изучения и обоснованной классификации метафор могут стать действенным способом анализа как функций систем метафорических переносов в тексте или дискурсе, так и теоретического осмысления проблемы персуазивности метафоры.

Предметом данного исследования является взаимосвязь между уровнем речевого воздействия метафоры и содержанием метафорического переноса, представленного в виде семантической классификации.

Целью исследования является разработка метода количественного анализа типологии системы метафорических переносов в тексте или дискурсе и его апробация.

Для достижения данной цели будут последовательно решены следующие задачи:

- 1) описать имеющиеся подходы к количественному анализу систем метафорических моделей;
- 2) предложить индекс функциональной типологии метафоры и рассмотреть возможность его применения в лингвистических исследованиях.

2. Количественный анализ метафорических моделей [Quantitative analysis of metaphor models]

Построение систем метафорических моделей довольно распространенный метод в области критических и дескриптивных исследований метафоры.

Например, Дж. Чартериса-Блэка на базе практического исследования создал специфический метод, названный критическим анализом метафоры (Critical Metaphor Analysis) [Charteris-Black, 2004]. Процедура применения этого метода интегрирует в себе критический дискурс-анализ, корпусную лингвистику, прагматику и когнитивную лингвистику. Критический анализ метафоры направлен на выявление имплицитных интенций автора, скрытых за системами метафорических проекций в дискурсе. Данный метод оказался весьма подходящим для проведения практических исследований разных дискурсов на разных языках и получила дальнейшее развитие как в прикладном, так и теоретическом ключах [Li, 2016 ; Simpson et al., 2018].

Также стоит упомянуть разработанную А. Н. Барановым дескрипторную теорию метафоры, которая базируется на возможности количественной оценки метафорической «нагруженности» того или иного дискурса [Баранов, 2014]. На базе этой теории исследователь может вычислить сколько денотатов в данном дискурсе соответствует тому или иному дескриптору, вычленив различные М-модели и входящие в них деревья сигнификативных дескрипторов. А. Н. Баранов рассматривает М-модели в качестве инструмента «мониторинга общественного сознания по данным политического дискурса» [Баранов, 2014, с. 15].

Однако в данных количественных методах невозможно проследить взаимосвязь между содержанием метафоры и её речевым воздействием. Подобный подход реализо-

ван в методе подсчета индекса силы метафоры (MPI), разработанном К. Де Ландтсхеер [Landtsheer De, 2009]. Индекс силы метафоры состоит из трех параметров: индекса частотности (MFI), индекса интенсивности (MII) и индекса содержания (MCI), при этом индекс содержания метафоры рассчитывается исходя из семантики сферы-источника: «повседневная материальная реальность жизни» (популярные метафоры, P), «природа» (метафоры природы, N), «политика, интеллект, технологии» (технологические метафоры, T), «насилие и катастрофы» (метафоры, относящиеся к смерти и стихийным бедствиям, D), «спорт, игры и театр» (спортивные и игровые метафоры, Sp), а так же «смерть, тело и заболевания» (медицинские метафоры и метафоры болезни, M).

Индекс содержания метафоры (MCI) высчитывается по следующей формуле, где (me) отражает общее количество метафор:

$$MCI = (1P+2N+3T+4D+5Sp+6M)/me$$

К. де Ландтсхеер утверждает, что чем выше итоговый индекс силы метафоры, тем более метафоричным и, как следствие, воздействующим является текст [Landtsheer De, 2009, p. 75].

Данная методика вполне обоснована и может использоваться для анализа текстов публичного политического дискурса, так как семантическая классификация основана на модели «кризисного поведения» Х. Гауса [Gauss, 1981], и именно для анализа кризисного дискурса с высоким уровнем риторики К. де Ландтсхеер использовала эту модель [Landtsheer De, 2007]. Тем не менее, кажется, что подобное распределение коэффициентов не всегда очевидно для анализа других дискурсов. Наше исследование [Калинин, 2020], в котором был посчитан индекс силы метафоры для текстов с заведомо известной авторской позицией, продемонстрировало, что нет прямой корреляции между числовыми показателями индекса и реальной и воспринимаемой авторской позицией.

3. Индекс функциональной типологии метафоры (MfTI) [Metaphor functional typology index (MfTI)]

Теоретическое осмысление и практическая проверка описанных методов показали, что существующие на данный момент методы позволяют проводить лишь описательные исследования, а индекс силы метафоры К. де Ландтсхеер не является универсальным. Для преодоления указанных ограничений на базе функциональной классификации метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона был разработан индекс функциональной типологии метафоры. Функция метафорического переноса, основанная на значении сферы-источника и сферы-цели, в целом, свидетельствует о прагматических особенностях коммуникативного использования метафоры, в частности, анализ функции метафор говорит об интенции автора речевого сообщения.

Итак, для математического анализа предлагается использовать подсчёт онтологических и структурных метафор, а количество ориентационных метафор использовать в качестве корректирующего показателя. Предлагаемый нами индекс функциональной типологии (функционального содержания) метафоры рассчитывается по следующей формуле:

$$MTI = 1*Or+2*O+3*St/nme,$$

где Or – количество ориентационных метафор, O – количество онтологических метафор, St – количество структурных метафор, nme – количество всех метафор в тексте.

Математическая логика индекса такова, что его минимальное значение 1 (когда все метафоры ориентационные), а максимальное значение 3 (когда все метафоры структурные). Большее значение индекса, приближенное к значению 3, будет означать, что использование метафор в тексте больше ориентировано на изменение отношения к определённой проблеме. В то время как меньшее значение индекса, близкое к 1, будет означать, что использование метафор в тексте скорее отражает имеющиеся когнитив-

ные ориентиры. Среднее значение индекса в районе 2 будет показывать преимущественно онтологическую сущность используемых метафор, свидетельствуя о том, что основная цель использования метафорических переносов состоит в идентификации и объяснении проблемы.

Важно отметить, что использовать данный индекс удобно для решения двух задач: 1) описательный анализ всего текста или дискурса; 2) сравнительный анализ отдельных, тематически объединённых по сфере-цели или источнику, метафорических проекций. Первый расчёт позволяет выявить функциональную ориентацию метафоричности текста или дискурса в целом, сделать вывод о том, какова интенция использования метафор в тексте, даже имплицитная. Анализируя таким образом метафоричность дискурса, исследователь, хоть и в усреднённом, приблизительном ключе может делать выводы о том, что данный текст или дискурс преимущественно информирующий, то есть в нём просто отражается окружающая действительность, или преимущественно воздействующий, то есть в нём формируется новое мнение о проблеме, формируется новое отношение к действительности. Во втором случае можно определить функции той или иной метафорической модели в тексте или дискурсе. Вычисляя индекс для конкретной метафорической модели или даже для систем метафорических моделей, исследователь может делать выводы о том, для чего в тексте или дискурсе используется именно этот метафорический перенос. Предложенный индекс был апробирован для решения обеих вышеуказанных задач.

4. Апробация индекса функциональной типологии метафоры [Metaphor functional typology index testing]

4.1. Расчёт MfTI для всего текста (дискурса) [Calculating MfTI for the whole text (discourse)]

Для расчёта индекса функциональной типологии метафоры для всего текста (дискурса) в качестве материала было взято несколько текстов на русском, китайском и английском языках, относящихся к общественно-политическому дискурсу, но имеющих разные прагматические установки.

Первая группа текстов была представлена публичными новогодними поздравлениями лидеров разных стран, и именно: новогодние обращения Президента России В. В. Путина (2016, 2017, 2018 гг.) общим объёмом 968 слов, рождественские поздравления Королевы Великобритании Елизаветы II (2016, 2017, 2018 гг.) общим объёмом 1848 слов, новогодние обращения Председателя КНР Си Цзиньпина (2016, 2017, 2018 гг.) общим объёмом 3034 слова. На данном материале ранее было проведено исследования взаимосвязи языковой типологии и индекса силы метафоры [Калинин, Селзнёва, 2019], поэтому были использованы полученные данные по вычислению MPI и его составляющих: индексов частотности, интенсивности и содержания метафоры.

Материал исследования состоит из речевых сообщений, идентичных по типу и времени – публичные выступления за одинаковый период времени, идентичных по адресату сообщения – народ страны. Кроме того, одинаковыми являются исходные прагматические характеристики авторов сообщений: подведение итогов за год, поздравление, планы на будущее, мотивация народа.

Всего в новогодних обращениях на русском языке было выявлено 11 метафор, среди которых 9 были онтологическими и 2 – структурными, ориентационных метафор выявлено не было. В текстах на английском языке было выявлено 15 метафор: 10 онтологических, 3 структурных и 2 ориентационных, а в текстах на китайском языке – 52 метафоры, из них 33 онтологические, 15 структурных и 4 ориентационные. Как мы видим, в целом распределение разных типов метафор примерно одинаковое.

Приведём ряд примеров:

(1) 中国人历来主张 “世界大同，天下一家”¹ – 'Китай испокон веков считал, что мир един и является семьёй'.

МИР – это СЕМЬЯ, структурная метафора, которая заставляет смотреть на мироустройство, систему международных отношений как на отношения внутри семьи. Здесь мы сталкиваемся с тем, что в тексте новогоднего обращения использована структурная метафора с прямой отсылкой к конфуцианским ценностям.

(2) 人民是共和国的坚实基础 – 'Народ является прочным фундаментом республики'.

Перед нами онтологическая метафора ГОСУДАРСТВО – это ДОМ и её импликация НАРОД – это ФУНДАМЕНТ. В данном случае, абстрактное (НАРОД) объясняется конкретное (ФУНДАМЕНТ), что отражает базовые онтологические установки правящей в КНР Компартии.

(3) When people face a challenge they sometimes talk about taking a deep breath to find courage or strength. – 'Когда люди сталкиваются с трудностями, они иногда говорят о том, что нужно сделать глубокий вдох, чтобы обрести мужество или силу'.

Ориентационная метафора ТРУДНОСТИ – ВПЕРЕДИ демонстрирует готовность преодолеть тяжёлые времена, решить предстоящие проблемы.

(4) We expect our homes to be a place of safety–'sanctuary' even–which makes it all the more shocking when the comfort they provide is shattered. – 'Наши дома представляют нам безопасным местом, даже так называемой святыней, и всегда повергает в шок, когда комфорт собственного дома поддаётся разрушению'.

Структурная метафора ДОМ – СВЯТЫНЯ заставляет переосмыслить отношение к своей семье и своему дому, выводя собственное жилище из разряда бытового в разряд сакрального.

(5) Сейчас мы с волнением ждём боя курантов Московского Кремля и как никогда отчётливо слышим ход времени, чувствуем, как приближается будущее.

Онтологическая метафора ВРЕМЯ как что-то ДВИЖУЩЕЕСЯ отражает отношение ко времени как к процессу.

В таблице 1 представлены результаты анализа индекса силы метафоры (MPI) и предложенного в исследовании индекса типологии метафоры для всех языков.

Т а б л и ц а 1. MPI и MfTI для текстов новогодних поздравлений
[Table 1. MPI and MfTI for the New Year addresses]

Страна	MFI	MPI	MSI	MPI	MTI
Россия	2,68	1,23	2,42	8,01	2,18
Англия	2,04	1,52	2,65	8,3	2
Китай	2,3	1,95	2,5	11,27	2,21

В текстах на всех трёх языках доминировали метафоры онтологические, структурных было значительно меньше, а ориентационных – крайне мало. Мы видим, что в среднем типологический индекс содержания метафоры примерно одинаков для всех трёх языков, однако для китайского языка значение данного индекса чуть выше, чем для английского и выше, чем для русского.

Кроме подсчёта индекса типологии метафоры в текстах новогодних выступлений, был также проведён анализ текстов военных доктрин России и Китая, общим

¹ Здесь и далее подчёркивание используется для выделения метафоры в предложении.

объёмом 17401 и 6502 слова соответственно, и два программных выступления на Церемонии открытия Международного форума «Один пояс – один путь» от 14 мая 2017 года Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента Российской Федерации В. В. Путина общим объёмом 3735 и 1237 слов соответственно. В предыдущих исследованиях метафоричность данных текстов уже была проанализирована с использованием метода подсчёта индекса силы метафоры К. Де Ландтсхеер [Калинин, Мавлеев, 2019].

Приведём примеры разных типов метафор из текстов военных доктрин и публичных выступлений лидеров стран:

(1) 但国际战略竞争, 和矛盾也在发展, 全球性挑战更加突出 – 'Одновременно с этим международное стратегическое соперничество и противоречия также нарастают, глобальные вызовы становятся все более актуальными'.

Международное соперничество метафоризируется через термин «конкуренция», что переструктурирует понимание взаимодействия между странами в терминах соперничества.

(2) 有效应对国际金融危机冲击 – 'Китай эффективно противодействует международному финансовому кризису'.

Финансовый кризис описывается через структурную метафору войны, использование военной лексики (冲击 – удар, штурм) свидетельствует о стремлении продемонстрировать тот факт, что экономическое соперничество подобно войне.

(3) 中国高举和平、发展、合作的旗帜 – 'Китай высоко держит знамя мира, развития и сотрудничества'.

Здесь мы имеем дело с онтологической метафорой, когда абстрактные концепции поддержки идеалов мира и развития передаётся через конкретные термины.

(4) 努力成为现役部队的得力助手和国防后备力量的拳头 – 'Всеми силами стремимся к тому, чтобы подразделения запаса стали сильным помощником войск на действительной службе и ударным отрядом (досл. кулаком) в резервах национальной обороны'.

Указанная онтологическая метафора описывает потенциальную мощь войск запаса через сравнение с кулаком.

Ниже представлены результаты вычисления индекса типологии метафоры в сравнении с индексом силы метафоры.

Т а б л и ц а 2. MPI и MfTI для текстов военно-политического дискурса
[Table 2. MPI and MfTI for military and political discourse]

Страна	MFI	MI	MSI	MPI	MTI
Россия (доктрина)	0,28	1,64	2,82	1,3	2,23
Россия (публичное выступление)	1,61	2,25	2,45	8,87	2,14
Китай (доктрина)	1,18	1,84	2,7	5,92	2,11
Китай (публичное выступление)	2,59	2,06	2,24	11,95	2,39

Полученные результаты свидетельствуют, что в публичных выступлениях на китайском языке структурные метафоры играют бóльшую роль, чем в военной доктрине, а для текстов на русском языке, наоборот. Данные в целом коррелируют с экстралингвистическими характеристиками исследованных текстов. Военная доктрина в РФ – значимый документ, своего рода заявление миру об угрозах и вызовах, и она отражает некоторую степень готовности всеми силами и средствами отражать внешние угрозы. При этом выступление В. В. Путина на саммите «Один пояс – один путь» не имело ре-

шающего значения для внешней политики России, так как это китайская инициатива, в которой Россия является лишь одной из участниц. В то же самое время, доктринальные документы в Китае не играют решающей роли, и Китай всегда стремится демонстрировать миролюбивую внешнюю политику, и текст доктрины не нацелен на изменение представления о проводимой политике, он более ориентирован на закрепление существующей политики. Одновременно с этим, выступление Си Цзиньпина на саммите было крайне важным, так как в тот период времени политика «Один пояс – один путь» только набирала обороты, и важно было сформировать правильное отношение мирового сообщества относительно планов Китая.

Таким образом, мы видим, что индекс типологии метафоры не связан с разработанными де Ландтсхеер индексами частотности, интенсивности и содержания метафоры. Конкретные значения корреляции представлены в таблице 3.

Т а б л и ц а 3. Корреляция между MPI и MfTI
[T a b l e 3. Correlation between MPI and MfTI]

	MFI	MI	MCI	MPI
MTI	0,182	0,323	-0,55	0,253

Значимая корреляция отсутствует, поэтому можно сделать вывод о том, что коэффициент типологии метафоры может использоваться как отдельный инструмент анализа метафоричности текста или дискурса в целом.

4.2. Расчёт MfTI для отдельных метафорических проекций [MfTI calculation for particular metaphoric patterns]

Для анализа типологии метафорических проекций, объединённых одной общей сферой-целью, было проанализировано 750 новостных заголовков и лидов новостных сообщений на тему коронавируса на китайском языке. Под лидом понимается 1–2 предложения в начале новостной статьи, которые обычно в полной мере отражают содержание всей статьи. Было исследовано по 15 новостей ежедневно в течение 50 дней с 21 января по 10 марта 2020 года, то есть в период, когда распространение вируса в Китае было наиболее масштабным.

В результате исследования всего было выявлено 611 метафор, которые были разделены на четыре наиболее характерные метафорические модели для концептуализации нового коронавируса в дискурсе масс-медиа Китая: ВИРУС – ВРАГ (БОРЬБА с вирусом – это ВОЙНА), ВИРУС – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, ВИРУС – СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ, ВИРУС – причина СТРАХА. Количественное распределение выявленных моделей по сферам-источникам представлено на рисунке 1.

Наиболее распространённой стала метафорическая модель со сферой-источником ВОЙНА, она составила 60,7% всех метафор. Второй по частотности метафорической моделью стала модель ВИРУС – СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ, где болезнь описывается через сферу-источник стихийного бедствия. Это тоже вполне объяснимо, так как вирус по своему происхождению природный, и от него также нет спасения. Весьма характерной была метафоризация вируса через сферу-источник «живое существо». В отдельную метафорическую модель была выделена проекция «ВИРУС – причина СТРАХА», так как в данном случае основой для переноса было только следствие «появление страха», при этом источник страха не упоминался никак.

В полученных метафорических проекциях мы видим, что метафоры ВИРУС – ВРАГ (БОРЬБА с вирусом – это ВОЙНА), ВИРУС – СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ это

структурные метафоры, а ВИРУС – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО и ВИРУС – причина СТРАХА это онтологические метафоры.

Когда вирус и борьба с ним представляется в форме войны, то происходит реструктуризация содержания сущности вируса и, в особенности борьбы с ним. Война – социоморфное явление, она, безусловно, разрушительна и может привести к человеческим жертвам, однако ход войны можно контролировать. Война требует мобилизации и усилий всего народа, поэтому структурная метафора войны очень эффективна в концептуализации вируса и выстраивании политики по борьбе с эпидемией. В частности, использование образа войны в качестве основы для концептуализации пандемии весьма популярно. Военные метафоры всегда концептуализируют болезни: рак [Camus, 2009], СПИД [Sandahl, 2001], свиной грипп [Larson et al., 2005], Эбола [Trčková, 2015], атипичная пневмония [Washer, 2004] и другие.

Метафора ВИРУС – СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ это тоже структурная метафора, она представляет вирус как некое неконтролируемое природное явление, подобно цунами, урагану или извержению вулкана. Таким образом, формируется представление о чём-то устрашающем, приносящем жертвы, но при этом не поддающемся контролю. Когда вирус – это стихийное бедствие, то трудно прогнозировать его распространение и организовывать борьбу с ним. Такая репрезентация не очень помогает выстроить правильную стратегию борьбы с вирусом, этим объясняется тот факт, что данная метафора была намного менее популярна, чем метафора войны.

Метафора ВИРУС – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО является онтологической, в эту общую проекцию были включены антропоморфная проекция ВИРУС – ЧЕЛОВЕК и природоморфная метафорическая проекция ВИРУС – ЖИВОТНОЕ. В такой метафорической проекции мы видим объяснение сущности вируса, его репрезентацию как живого, не в биологическом, а чаще в социальном плане, существа.

Метафора ВИРУС – причина СТРАХА также является онтологической, так как описывает вирус как нечто, вызывающее страх. В данном случае нет конкретного указания на источник страха, однако на онтологическом уровне вирус концептуализируется как нечто ужасное, тревожащее и беспокоящее. На наш взгляд, метафора живого существа и метафора страха были наиболее естественными для журналистских текстов в том плане, что они не отражали ответ на социальный запрос по борьбе с вирусом.

Р и с у н о к 1. Частотность метафорических моделей вируса в СМИ КНР
[Figure 1. Virus metaphoric models frequency in Chinese media]

Исходя из описанного выше количественного распределения метафорических проекций со сферой-целью ВИРУС и их классификации на онтологические и структурные, мы можем посчитать индекс типологии метафоры ВИРУСА в китайских СМИ.

$$MTI = (1*0 + 2*(27+98) + 3*(371+115)) / 611 = 2,795$$

Значение индекса достаточно высокое, что свидетельствует о преимущественно структурном характере метафоризации вируса, то есть о стремлении коллективного автора журналистского дискурса перестроить в сознании адресата представление о вирусе как о военном враге.

5. Заключение [Conclusion]

В данном исследовании был изучен вопрос коммуникативного воздействия метафоры, в частности выявлена взаимосвязь между уровнем речевого воздействия метафоры и содержанием метафорического переноса.

Были изучены разработанные на данный момент типологии метафор, рассмотрены возможности их использования в эмпирических исследованиях и имеющиеся подходы к количественному анализу систем метафорических моделей.

На базе классификаций метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и индекса силы метафоры был разработан индекс функциональной типологии систем метафорических переносов в тексте или дискурсе и его апробация. В основе индекса лежит распределение всех метафор на три типа: ориентационные, онтологические и структурные. Посредством вычисления индекса, исследователь может делать вывод относительно функций, которые выполняют метафоры как система в тексте или дискурсе.

Математическая формула, предложенная в настоящей работе, была апробирована на практике и показала себя как действенный инструмент выявления функции метафорических моделей как для всего текста или дискурса, так и для отдельных, тематически объединённых по сфере-цели или источнику, метафорических проекций.

На примере разных по прагматическим характеристикам текстов (новогодних обращений к населению лидерами России, Англии и Китая, а также текстов военных доктрин России и Китая и публичных выступлений лидеров РФ и КНР) было выяснено, что индекс функциональной типологии не коррелирует с уже апробированным индексом силы метафоры, который разработала К. Де Ландтсхеер. При этом полученные нами данные соотносятся с экстралингвистическими факторами порождения исследованных текстов, что позволяет использовать его как отдельный метод исследования функционального предназначения метафор в тексте или дискурсе.

Кроме того, был проведён подсчёт значения индекса для системы метафорических проекций, имеющих одну общую сферу-цель – ВИРУС. Анализ выявленных в медиа дискурсе метафор с помощью индекса функциональной типологии продемонстрировал высокий воздействующий потенциал метафоры вируса в китайских СМИ, которые были направлены на изменение представления о коронавирусе в сознании массового адресата.

Перспективами данного исследования является дальнейшая апробация разработанного метода и распространение его на другие типы дискурса и другие языки.

Список литературы

- Баранов, 2014 – Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М. : Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
- Калинин, 2020 – Калинин О. И. Зависимость персуазивности речевого сообщения от содержания метафорического переноса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. Т. 4. С. 82–92.

- Калинин, Мавлеев, 2019 – Калинин О. И., Мавлеев Р. Р. Сопоставительный анализ метафоричности военно-политических дискурсов языков разной типологии (на примере русского и китайского языков) // Когнитивные исследования языка. 2019. Т. 38. С. 546–553.
- Калинин О.И., Селезнёва, 2019 – Калинин О. И., Селезнёва Д. В. Метафоричность и типология: опыт сопоставительного анализа // Филология: научные исследования. 2019. Т. 4. № 4. С. 72–80. doi: 10.7256/2454-0749.2019.4.30695.
- Лаккофф, Джонсон, 2004 – Лаккофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Москвин, 2000 – Москвин В. П. Русская метафора: параметры классификации // Филологические науки. 2000. Т. 2. С. 66–74.
- Скляревская, 1987 – Скляревская Г. Н. Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания // Вопросы языкознания. 1987. Т. 2. С. 58–65.
- Чудинов, 2001 – Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
- Anaki, et al., 1998 – Anaki D., Faust M., Kravetz S. Cerebral hemispheric asymmetries in processing lexical metaphors // Neuropsychologia. 1998. Vol. 36, N 7. P. 691–700. doi: 10.1016/s0028-3932(97)00110-3.
- Camus, 2009 – Camus J. Metaphors of cancer in scientific popularization articles in the British press // Discourse Stud. 2009. Vol. 11, N 4. P. 465–495.
- Charteris-Black, 2004 – Charteris-Black J. Corpus approaches to critical metaphor analysis. Hampshire: Palgrave Macmillan Book Company, 2004. 263 p.
- Coulson, Petten, 2002 – Coulson S., Petten C. Van. Conceptual integration and metaphor: An event-related potential study // Mem. Cognit. 2002. Vol. 30, N 6. P. 958–968.
- Landtsheer, 2007 – Landtsheer C. De. Crisis style or radical rhetoric? The speech by Dyab Abou Jahjah, Leader of the Arab European League // Cognitive linguistics in critical discourse analysis: Application and theory / Ed. by C. Hart, D. Lukes. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 57–81.
- Landtsheer, 2009 – Landtsheer C. De. Collecting political meaning from the count of metaphor // Metaphor and discourse. London: Palgrave Macmillan UK, 2009. P. 59–78.
- Larson et al., 2005 – Larson B., Nerlich B., Wallis P. Metaphors and biorisks: The war on infectious diseases and invasive species // Sci. Commun. 2005. Vol. 26, N 3. P. 243–268.
- Li, 2016 – Li W. Rethinking Critical Metaphor Analysis // Int. J. English Linguist. 2016. Vol. 6, N 2. P. 92–98.
- Mashal, et al., 2005 – Mashal N., Faust M., Hendler T. The role of the right hemisphere in processing nonsalient metaphorical meanings: Application of principal components analysis to fMRI data // Neuropsychologia. 2005. Vol. 43, N 14. P. 2084–2100.
- Sandahl, 2001 – Sandahl C. Performing metaphors: AIDS, disability, and technology // Contemp. Theatr. Rev. Perform. Disabil. Spec. Issue. 2001. N. 11. C. 49–60.
- Sopory, 2006 – Sopory P. Metaphor and attitude accessibility // South. Commun. J. 2006. Vol. 71, N 3. P. 251–272.
- Stee, 2018 – Stee S. K. Van. Meta-analysis of the persuasive effects of metaphorical vs. literal messages // Commun. Stud. 2018. Vol. 69, N 5. P. 545–566.
- Thibodeau, Boroditsky, 2011 – Thibodeau P. H., Boroditsky L. Metaphors we think with: The role of metaphor in reasoning // PLoS One. 2011. Vol. 6, N 2. P. e16782. doi: 10.1371/journal.pone.0016782.
- Thibodeau, Boroditsky, 2013 – Thibodeau P. H., Boroditsky L. Natural language metaphors covertly influence reasoning // PLoS One. 2013. Vol. 8, N 1. P. e52961. doi: 10.1371/journal.pone.0052961/.
- Trčková, 2015 – Trčková D. Representations of Ebola and its victims in liberal American newspapers // Top. Linguist. 2015. Vol. 16, N 1. P. 29–41.
- Washer, 2004 – Washer P. Representations of SARS in the British newspapers // Soc. Sci. Med. 2004. Vol. 59, N 12. P. 2561–2571.

Oleg I. Kalinin
Military University of the Ministry of Defense,
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation
okalinin.lingua@gmail.com

Metaphor power and source domain content: Metaphor functional typology index

Abstract

This article examines the dependence of the metaphor power in communication and patterns of the metaphorical mapping as well as methods for quantitative analysis of metaphors in the text. Metaphor functional typology index (MfTI) is proposed and tested. This index is based on the division of metaphors into orientational, ontological and structural, which perform descriptive, identification and restructuring functions. The mathematical logic of calculating the index assumes that, based on the final numerical value, one can draw a conclusion about the predominant function played by the system of metaphorical models in the text or discourse, and, as a result, analyze the level of its speech impact. This method was tested in practice to solve two research problems: a descriptive analysis of the whole text's metaphor power and a comparative analysis of metaphorical models with different source domains and one target domain. We analyzed the metaphorical nature of the texts of the New Year addresses of the political leaders of the Russian Federation, China and Great Britain, the public speeches of V.V. Putin and Xi Jinping and the texts of the military doctrines of Russia and China. The analysis showed that the functions of metaphors in texts do not correlate with their number and type, however, they correlate with extralinguistic factors. We also studied different metaphorical models of VIRUS in the Chinese media and, based on the index of functional typology close to the maximum value, concluded the VIRUS metaphors dominantly have restructuring nature in the texts of the Chinese mass media.

Keywords: metaphor, metaphor function, speech impact, conceptual metaphor theory, persuasiveness, typology of metaphor

© Kalinin O. I. 2021

For citation: Kalinin, O. I. Rechevoe vozdeystvie i sodержanie metafory: k voprosu ob indekse funktsional'noy tipologii [Metaphor power and source domain content: Metaphor functional typology index]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 90–102. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_90_102.

References

- Baranov, A. N. (2014). *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor theory of metaphor]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.
- Kalinin, O. I. (2020). Zavisimost' persuazivnosti rechevogo soobshcheniya ot sodержaniya metaforicheskogo perenosa [The correlation between metaphor content and the message persuasive power]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 4, 82–92.
- Kalinin, O. I., Mavleev, R. R. (2019). Sopostavitel'nyy analiz metaforichnosti voenno-politicheskikh diskursov yazykov raznoy tipologii (na primere russkogo i kitayskogo yazykov) [Comparative analysis of military-political discourse metaphorical power in languages of different typology (Chinese and Russian)]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 38, 546–553.

- Kalinin, O. I., Selezneva, D. V. (2019). Metaforichnost' i tipologiya: opyt sopostavitel'nogo analiza [Metaphoricity and classification: Experience of comparative analysis]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Researches], 4 (4), 72–80. doi: 10.7256/2454-0749.2019.4.30695.
- Lakoff, J., Johnson M. (2004). *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow : Editorial URSS.
- Moskvin, V.P. (2000). Russian metaphor: classification parameters [Russkaya metafora: parametry klassifikacii]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2, 66–74.
- Skljarevskaja, G. N. (1987). Yazykovaya metafora v slovare. Opyt sistemnogo opisaniya [Language metaphor in the dictionary. An essay of systemic description]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 2, 58–65.
- Chudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafori (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: A cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg.
- Anaki, D., Faust M., Kravetz, S. (1998). Cerebral hemispheric asymmetries in processing lexical metaphors. *Neuropsychologia*, 36 (7), 691–700. doi: 10.1016/s0028-3932(97)00110-3.
- Camus, J. (2009). Metaphors of cancer in scientific popularization articles in the British press. *Discourse Studies*, 11 (4), 465–495.
- Charteris-Black, J. (2004). *Corpus approaches to critical metaphor analysis*. Hampshire : Palgrave Macmillan Book Company.
- Coulson, S., Petten, C. Van. (2002). Conceptual integration and metaphor: An event-related potential study. *Memory and Cognition*, 30 (6), 958–968.
- Landtsheer, C. De. (2007). Crisis style or radical rhetoric? The speech by Dyab Abou Jahjah, Leader of the Arab European League. *Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis: Application and Theory* (pp. 57–81). Cambridge : Cambridge Scholars Publishing.
- Landtsheer, C. De. (2009). Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor. *Metaphor and Discourse* (pp. 59–78). London : Palgrave Macmillan UK.
- Larson, B., Nerlich, B., Wallis, P. (2005). Metaphors and biorisks: The war on infectious diseases and invasive species. *Science Communication*, 26 (3), 243–268.
- Li, W. (2016). Rethinking critical metaphor analysis. *International Journal of English Linguistics*, 6 (2), 92–98.
- Mashal, N., Faust, M., Hendler, T. (2005). The role of the right hemisphere in processing nonsalient metaphorical meanings: Application of principal components analysis to fMRI data. *Neuropsychologia*, 43 (14), 2084–2100.
- Sandahl, C. (2001). Performing metaphors: AIDS, disability, and technology. *Contemporary Theatre Review: The Performance of Disability Special Issue*, 11, 49–60.
- Simpson, P., Mayr, A., Statham, S. (2018). *Critical Metaphor Analysis. Language and Power. Second edition*. New York : Routledge.
- Sopory, P. (2006). Metaphor and Attitude Accessibility. *Southern Communication Journal*, 71 (3), 251–272.
- Stee, S. Van. (2018). Meta-analysis of the persuasive effects of metaphorical vs. literal messages. *Communication Studies*, 69 (5), 545–566.
- Thibodeau, P. H., Boroditsky, L. (2011). Metaphors we think with: The role of metaphor in reasoning. *PLoS One*, 6 (2), e16782. doi: 10.1371/journal.pone.0016782.
- Thibodeau, P. H., Boroditsky, L. (2013). Natural Language Metaphors Covertly Influence Reasoning. *PLoS One*, 8 (1), e52961. doi: 10.1371/journal.pone.0052961/.
- Trčková, D. (2015). Representations of Ebola and its victims in liberal American newspapers. *Topics in Linguistics*, 16 (1), 29–41.
- Washer, P. (2004). Representations of SARS in the British newspapers. *Social Science & Medicine*, 59 (12), 2561–2571.